

www.volsu.ru

УДК 101.1:316
ББК 87.6

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК СВОЙСТВО КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Бузский Марат Павлович

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Волгоградский государственный университет
metamarat1@yandex.ru, socphil@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы формирования интерсубъективности, проанализированы современные подходы и концепции, выявляющие условия и основы ее функционирования, свойства и особенности взаимодействия с субъективностью личности. Показано, что в любой культурно-символической форме интерсубъективность кодируется в тексте, обобщая опыт жизни и общения людей конкретной исторической эпохи. Раскрыта роль данной интерсубъективности в социализации индивидов.

Ключевые слова: субъективность, коммуникации, субъект, культурно-символическая форма, рациональность, интерсубъективность, постмодерн.

Современная западная философия, исследуя разные стороны человеческой субъективности, достаточно глубоко осветила их специфику в феноменологии и экзистенциализме. Здесь четко выявлены особенности процесса смыслообразования, конструктивной активности сознания индивида, основания его свободы, трансцендирования, выбора индивидом себя в контексте определенной ситуации. Субъективность раскрыта как полнота внутреннего опыта индивида, связанного с целеполаганием, выбором перспектив и установок, с самоопределением индивида, как переживание человеком собственной самости.

Но индивид, личность – всегда общественное существо, и его общение с другими реализуется через постижение общего смысла, идентификацию с другими, взаимопонимание. Индивидуальное мышление (сознание) осознает себя на более высоком уровне – как сознание «мы». Объективируясь в языке, культурно-символических системах, образах, предметных комплексах, интерсубъективность выражает внутреннее пространство, субъектность социума и культуры. Но интерсубъективность не снимает личностное сознание и опыт, которые даже на уровне максимальной интеграции какой-либо группы, общности сохраняя-

ют отношение к сознанию «мы». Поэтому субъективность не поглощается этим «мы», но пересекается с ним, существуя одновременно как внутри «мы»-субъекта, так и в отношении к нему – на определенной дистанции.

Социальный субъект – это сложное образование. Так же, как процесс труда объективируется в результате, так и этот субъект существует не только в непосредственном процессе межличностной коммуникации, но и в качестве текста – художественно-культурного, политического, административного и т. д., как совокупность символов, язык. Здесь индивиды «попадают» внутрь пространства этого текста (его смысла) таким образом, что воспринимают реальность и самих себя через надличностный уровень, сохраняя в то же время индивидуально-личностное сознание.

Складываясь из совокупности конкретных индивидов, этот субъект приобретает свое новое качество – *целостность*, которая выражена в расширении смыслового пространства до масштаба некоторого коллектива, совместного «мы». Здесь открывается ряд *проблем*: какие именно свойства этого символического культурного текста, существующего вместе с реальным процессом межличностного общения, формируют *интерсубъективность как содержание целостности социального субъекта*, то есть его субъектную позицию? какие стороны этого синтеза – общения, личностного опыта и текста (его символического содержания-пространства) – становятся коллективным сознанием, открывая для индивидов некоторое общее «окно в мир»? Существующие сегодня исследования интерсубъективности так или иначе связаны с этой проблемой.

Фактически общепринятой позицией является признание тесной связи интерсубъективности с пространством и процессами коммуникации. Интерсубъективность существует как особое *качество* межличностных коммуникаций – максимальный уровень их интеграции, приобретающий *смысловую, духовно-нравственную и мировоззренческую нормативность*, которая переводит конкретное содержание коммуникаций в мировоззренческий и ценностно-смысловой ракурс. Здесь целостность коммуникаций порождает ценностно-эмоциональную связь с индивидами, которые

переживают ее как связанный и целостный образ мира, как единство интересов и ценностей, как необходимую *совместимость* с сознанием (и опытом) конкретных индивидов.

Итак, интерсубъективность вырастает из коммуникаций – реальных, тексто-символических, виртуальных, непосредственных и опосредованных предметной и функционально выраженной средой бытия людей, поэтому развитие коммуникаций определяет статус интерсубъективности – *актуализированной в форме субъекта* или же существующей как *потенциальная интерсубъективность*. Для такой актуализации *коммуникации должны охватывать самых разные «миры»* – качество (форму) общественной жизни индивидов, повседневную реальность как жизненный мир, артефакты культуры, которые существуют вне актуальных коммуникаций, но всегда «готовые» перейти в пространство реального общения людей, в поток общественной жизни, как реальное общение индивидов. Поэтому рассмотрение отдельных сторон коммуникации не объясняет и не раскрывает перевод совокупности индивидуальных сознаний в надличностный уровень, в субъектный статус и нормативность коллективного «мы». Но сегодня в философском осмыслении проблемы интерсубъективности преобладает исследование именно отдельных сторон социально-культурных коммуникаций.

Предварительно отметим, что тенденцией исследования интерсубъективности становится всестороннее рассмотрение самой коммуникации как способа бытия человека в мире. Так, проблематика исследований позднего М. Хайдеггера, связанная с бытийными аспектами языка, герменевтика Х.-Г. Гадамера, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, исследования духовно-этических, социальных аспектов общения (коммуникации) в работах Э. Левинаса, К.-О. Апеля, Х. Арендт, М. Маклюэна, М.М. Бахтина, В.С. Библера и других выявляют значительный потенциал и новые аспекты и функции коммуникаций в определении человека, его субъективности. В фокусе внимания оказывается выявление того общего (смысла, ценности, коммуникативной рациональности, понимания и др.), которое переводит коммуникации в статус *субъектной формы*.

Тем не менее все еще остается недостаточно раскрытой проблема: каким образом обеспечивается *внутреннее тождество* индивидуального и коллективного субъекта, несмотря на все различие их способа существования, почему субъективность, собранная через символическое содержание культурного артефакта в форму «мы», может выходить на новый социальный уровень, сохраняя функции субъекта?

Здесь открываются самые разные позиции. Так, Е.О. Труфанова в своей рецензии на коллективную монографию «Интерсубъективность в науке и философии» (М.: Канон+, 2014. 416 с.) подчеркивает: «Интерсубъективность связана прежде всего с признанием наличия Другого Я, существованием других сознаний, равноправных моему собственному, других субъектов индивидуального опыта. То, что мы, находясь в разных телах и, следовательно, имеющих разные положения в пространстве и разные ракурсы видения, можем одновременно смотреть на мир и воспринимать в нем одни и те же объекты, приводит к осознанию того, что мы можем иметь схожий опыт. Признать наличие другого субъекта мы можем благодаря возможности эмпатии, вчувствования, возможности поставить себя на место другого и признать его позицию равноправной своей. Таким образом, проблема интерсубъективности может рассматриваться не только как эпистемологическая, но и как социально-философская, а также этическая проблема, связанная с моральным признанием равноправия Другого. Это и проблема герменевтическая, поскольку интерсубъективность лежит в основе возможности взаимопонимания» [10, с. 182]. Здесь основа интерсубъективности – личностное признание равноправия Другого. Но эта позиция конституирует интерсубъективность как совокупность личностных сознаний, не выходящих на качественно другой – социально-субъектный – уровень.

Интерсубъективность рассматривают как свойство научной рациональности – выработку общей позиции ученых по конкретной проблеме или научному результату, методологии исследований. Так, К. Поппер отмечал, что «научная объективность может быть определена как интерсубъективность научного мето-

да», то есть как результат постоянной и взаимной рациональной критики, которой характеризуются отношения ученых» [9, с. 251].

С точки зрения П.Ф. Кравчука и В.В. Зотова, «человека и общество необходимо рассматривать как две системы, которые автономны по отношению друг к другу. Но благодаря своей открытости между ними возникает взаимопроникновение, которое “питает” информацией обоих» [6, с. 77]. Тем не менее в этой взаимосвязи позиция личности, ее активность является ведущей. «Теория коммуникации позволяет определить социальную структуру общества как результат объективации и локализации в определенных участках социального пространства социально-коммуникативного процесса... Процесс структурирования коммуникационного пространства осуществляется именно через творчество личности» [там же, с. 81]. На основе чего меняется и структура самого общества.

Здесь оказывается «пропущенным» самое главное: *как именно творчество личности становится содержанием социума, основой его развития*, если в самом социуме существуют *сфера объективного бытия* – реальность, содержание которой выходит за рамки сознания личности, например формирование и изменение социальных структур.

Сегодня общей методологической основой рассмотрения проблемы интерсубъективности является трактовка коммуникаций как основы конституирования структуры и содержания информационного общества, его социальной сферы. Действительно, как подчеркивает И.К. Иконникова, «коммуникация приобретает статус социальной реальности, позволяя осуществлять любые типы социальных отношений и воспроизводить (или формулировать) правила, по которым эти отношения строятся, интерпретируются, оцениваются». [3, с. 194].

На этой основе интерсубъективность рассматривается современными авторами как феномен, *порождаемый* (или обнаруживаемый) процессом коммуникации, поскольку он внутренне в ней содержится. Так, А.П. Огурцов, рассматривая интерсубъективность, пишет: «Когда говорят об интерсубъективности, говорят об опыте различных субъектов, находящихся в ситуации общения, взаимной ком-

муникации. И вырвать intersubjectивность из контекста взаимоиntenциональной соотнесенности субъектов опыта, из ситуации диалога, коммуникации, общения – это означает подменить intersubjectивность объективностью, понятой сугубо натуралистически. В отличие от объективности, intersubjectивность отнюдь не претендует на универсальность и общезначимость. Она всегда связана с микросообществом, с признанием не всем сообществом, а лишь его части, нередко малой части и лишь позднее (нередко гораздо позднее) это признание становится универсальным и intersubjectивность приобретает характеристики общезначимости. Intersubjectивность – это поле взаимодействия субъектов действия – акторов... В этом поле взаимодействия происходит нейтрализация личностных установок, убеждений, предубеждений, предпочтений и т. д.» [8, с. 238].

Здесь требует значительного прояснения сам тезис об условиях согласования опыта различных субъектов (индивидов). Некоторое приближение к таким условиям открывает понятие «ситуация коммуникации» – обозначение той среды, в которой происходит общение людей. И.К. Иконникова считает, что «коммуникаторы создают некоторую ситуацию в социальном пространстве, воспроизводя с помощью применяемых правил те или иные социальные структуры, отношения либо конструируя их по своему замыслу» [3, с. 198]. Но можно утверждать, что «ситуация коммуникации» сама определяется более общей мировоззренческой установкой, присущей данному обществу, эпохе. Так, исследование intersubjectивности в рамках философского проекта рациональности, возникшего в XVII в., выявляет свою логику, которая возвышается над конкретными ситуациями коммуникации «здесь и теперь», и формирует требования, подчиняющие аспект коммуникации другим, более значимым для решения проблемы.

В этом направлении исследование проблемы intersubjectивности в контексте рационализма начинается с философии Р. Декарта, который выделяет субстанцию мышления как объективную реальность для конкретного «Я мыслящего». Это «Я» открывает в собственном мышлении врожденные понятия (идеи) как проявление данной субстанции, про-

двигаясь в своем процессе достижения истины через «призму» их содержания и выходя в результате своей рефлексии на «ясное и отчетливое» интуитивное видение истины. Intersubjectивность «спрятана» во всеобщности и объективности субстанции мыслящей как сходное устройство индивидуальных сознаний. Функцию коммуникации («общения с другими») здесь выполняет рефлексия «Я мыслящего» на основе исходной достоверной очевидности: мое существование – это включенность в субстанцию мышления. Здесь рационализм «корректирует» личность и intersubjectивность не через коммуникацию, а через интуитивно переживаемое *тождество* «Я мыслящего» и мыслящей субстанции, причастность первого ко второй.

В философии Канта, Гегеля субъект как «мыслящая субстанция» приобретает свойства деятельности и развития, но он также существует как данность, однако не создается индивидами: он открывается через их деятельность и мышление. На материалистической основе бытийно-историческую включенность индивидов в общество на основе общественной деятельности, выявляя их «социальную сущность», которая проявляется в пересечении «ансамбля общественных отношений», реализовал марксизм в рамках рационалистического подхода (переосмысленного на материалистической основе).

Рационализм, таким образом, раскрывает свойства intersubjectивности, ее связи с индивидами из принципа «невыводимости» разума (социума) на основе межличностных отношений: собственное *качество intersubjectивности* здесь – ее **объективность** по отношению к сознанию индивидов. Трансцендентальный субъект (спекулятивный субъект, общество как субъект) выступает как реальность, которая уже *дана* индивидам, а не порождается через формы их общения. Поэтому время такого субъекта (intersubjectивности) – социально-историческое, а не обыденное. Только великая личность «прорывается» в это время, поскольку она входит в собственное пространство intersubjectивности, действует по ее исторической логике.

Здесь возникает проблема *связи* intersubjectивности (разума) и индивидуальных

субъектов, которые часто проявляют себя «неразумно». Эта проблема открывается в различных проявлениях. В первой половине XIX в. она проявилась как кризис рационализма, который потерял способность объяснять действительность (а значит, и существование конкретных индивидов) мерой разумности. В конце XX в. она проявилась как кризис марксистской идеологии, которая перестала восприниматься индивидуальным сознанием граждан как нечто ценностно значимое для них: социализм, который на первых порах связывал сознание индивидов в период революционного энтузиазма, героизма индустриализации и невиданного патриотизма в Великой Отечественной войне, не смог найти новых форм связи личного и коллективного сознания, еще раз продемонстрировав уже обнаружившиеся методологические и мировоззренческие проблемы парадигмы рационализма.

Возникшая иррационалистическая альтернатива решения проблемы интерсубъективности (хотя прямо и не обозначившаяся в данном понятии) открывает уже другую логику. Здесь обнаруживается тенденция усиления значимости индивидуального сознания: начиная с Кьеркегора и романтиков, бытие личности осознается как автономное, которое соединяется с бытием общего на основе интуитивного переживания своей включенности в это общее. Последнее существует автономно над личностями, но имеет признаки субъекта. В первую очередь это спонтанная активность, отсутствие опосредований. Особенно четко эта позиция проявляется в «философии жизни», которая рассматривает такие проявления «надличностной субъективности», как «мировая воля», «воля к власти», «длительность», «жизнь» и др. Здесь межличностная коммуникация не рассматривается (эта проблема обнаруживается в XX в. в философии экзистенциализма и др.), но рассматривается коммуникация «вертикальная», без «обратной связи». Индивиды не могут, в частности, воздействовать на «мировую волю» и другие проявления надличностной реальности, которая постоянно регулирует их сознание и поведение.

Философия XX в., пересматривая метафизику XIX в., переходит на принцип *онтологической трактовки субъективности* как са-

модостаточной реальности, независимой от внешней среды. Очевидная для этой философии структура личностной субъективности (феноменология, экзистенциализм, философия коммуникаций) становится базовой для поисков путей решения проблемы интерсубъективности, которая теперь приобретает смысловую, языковую, ценностно-культурную, информационную «наполненность».

Однако при этом значительным оказывается воздействие постмодернизма, который отказывается от любых форм общего, выступая как современная форма номинализма. Как подчеркивает П. Козловски, понятие «постмодерна» «является освобождающим, так как оно избавляет от стальных оков истории и необходимости... от философии истории... и ведет к новому восприятию того, что не является только разумом: к Абсолюту и природе. Против “диктатуры общего” постмодерное мышление устанавливает многообразие образований множественного числа. Одно противоречие, консенсус, история, эволюция сменяются противоречиями, историями, соглашениями» [5, с. 33].

Отказываясь от модерна, который сосредоточивал свое внимание на будущем, на творчестве и инновациях, выражая в целом содержание и направленность субъект-объектного отношения, постмодерн формирует человека, который «склонен жить одним днем, не слишком задумываясь о дне завтрашнем и тем более о далеком будущем... Постмодерное общество теряет интерес к целям» [11, с. 305–306], но такой человек теряет интерес и к истории, и к постижению других как основе своей собственной укорененности в мире.

Такая парадигма сохраняет и конституирует само восприятие интерсубъективности в рамках межличностной коммуникации. Надличностный характер субъекта здесь не рассматривается, так как сам социум формируется вместе с коммуникациями уровня «жизненного мира». Присущее социальным субъектам пребывание и общение в социально-историческом пространстве и времени здесь также «остаётся за кадром». Именно эти установки препятствуют видению интерсубъективности как иного по отношению к субъективности состояния сознания и связи людей.

В связи с этим сегодня становится достаточно актуальным рассмотрение интерсубъективности в пространстве и содержании *культурно-символических форм*, в которых реально связано общее и личностно-субъективное начала. Культурно-символическая форма – это артефакт народной и классической культуры, искусства, в которых закодирован смысл и результат (содержание), возникшие на основе обобщения многообразия личностного опыта, но выведенные на уровень надличностного символически-смыслового пространства. Культурно-символическая форма – конкретное проявление культуры как *совокупности знаков и знаковых систем, символов, культурных обозначений* (культурных текстов и кодов), которые выражают различные *культурные значения* (культурные смыслы явлений, образы, метафоры и др.).

Значительную роль в развитии символического направления в культурологии сыграл Э. Кассирер – автор монументального труда «Философия символических форм». Он показал, что истоки культуры лежат в способности человека творить некий искусственный окружающий нас мир, обозначая реальность определенными символами. Определяя человека, он писал: «Человек живет... не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части универсума, те разные нити, из которых рождается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта... Человек уже не противостоит реальности непосредственно... Вместо того, чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [4, с. 470–473].

Жанры художественной культуры – это особая образно-символическая и текстовая объективация обобщенных жизненных процессов и ситуаций, выстроенных на основе межличностных коммуникаций, но переведенных в художественное пространство, в котором они сохраняются в субъектном качестве. Именно таким образом культурные артефакты выделяются из мифа «обыденной» фактично-

сти – повседневной среды, а также сохраняют свое воздействие на человека. Проблема восхождения от уровня межличностных коммуникаций к надличностному социально-историческому субъекту здесь решена, во-первых, на основе методов и технологий художественного обобщения, во-вторых, за счет перевода реальных жизненных ситуаций и образа жизни «героев» из реального в символическое пространство и время, а в-третьих, в соответствии с собственными требованиями данного жанра.

Культурно-символические формы – это особый способ конструирования и сохранения надличностной интерсубъективности за счет перемещения этих коммуникаций в область общественных идеалов, формирования здесь статуса социально-эстетической, художественной **нормы**. Специфика формирующейся здесь интерсубъективности – ее историчность (выражение в ней важнейших черт своей эпохи), которая сохраняется, выбывая из реального социального времени. Однако эта форма субъекта всегда оказывается открытой для современников любой эпохи, а потому способна реально стать для них *формой и содержанием субъекта* – того смыслового и ценностного пространства, в котором осмысливается и переживается межличностное общение.

Это пространство оказывается выражением социального жизненного опыта, который обобщается и раскрывается писателем, художником в литературе, других видов искусства, становясь объектом общего интереса. Но этот общий интерес выявляет данное содержание не просто как объект, но в первую очередь как субъект, который регулирует и объясняет опыт и связи новых поколений. Субъектное качество содержания во многом *создается автором* культурно-символической формы (жанра). Именно в этом – воздействие личности на коммуникацию, указанное выше.

Гете говорил об этом так: «Что представляю я сам, что я сделал? Сам собирал и сам использовал то, что видел, наблюдал, слышал. Мои сочинения вскормлены несметным количеством людей, невеждами и философами, умными головами и глупцами. Все – и дети, и зрелые мужи, и старики – несли мне свои

мысли, свои качества, свои надежды и свои взгляды на жизнь. Я жал посеянное другими, и дело мое есть дело коллективного существа, именуемого Гете» [1, с. 142].

Таким образом, художественно-символический текст, созданный автором, включая и авторское личностное «Я», превращает это произведение в проявление надличностного субъекта. Интерсубъективность здесь существует, но она вырастает и складывается не основе межличностного диалога, а через обобщение «жизни» людей в обществе. Этот диалог восстанавливается как общение индивида с произведением, то есть как включение субъективности читателя в интерсубъективность текста, в пространстве которого опыт личности получает значительное расширение и обогащение. Эта «прибавка» выражается в переходе читателя на позиции автора и его текста. В итоге происходит изменение сознания и мировоззрения множества незнакомых людей – современников данной эпохи, которые носят в себе черты коллективного субъекта, вырабатываемые через приобщение к духовно-культурному смыслу художественного артефакта – культурно-символической формы.

«Одна из основных трудностей в понимании художественного текста, – отмечает Л.А. Машкова, – заключается в том, что в данном случае речь идет об опосредованном отражении мира, об отражении уже отраженного ранее писателем и объективированного в тексте. Через текст происходит сложной взаимодействие субъективностей автора и читателя. Однако этот процесс не следует понимать просто как контакт двух “я”. Именно с учетом социальной детерминированности человека, воспринимающего текст, становится возможным говорить об интерсубъективности понимания» [7, с. 52–53].

Эта социальная детерминированность простирается и на отношение человека к континууму социального пространства-времени. Существовая в этих координатах, люди всегда выделяют прошлое, настоящее и будущее, по-разному идентифицируясь с их содержанием и смыслом. Фактор субъектности, заложенный в артефакте культуры, всегда выделяет некоторые цели, идеалы, духовно-нравственные и общественные нормы.

Именно связь с этой социально-исторической позицией, выраженной автором и его текстом, определяет для читателя нормативность (ценности, значимость) данного произведения, то есть *признание* (прямое или косвенное) его *субъектной функции*. Фактически процесс социализации подрастающих поколений всегда тесно связан не только с освоением общественных отношений, ролей, моральных норм и т. п., но и с выстраиванием каждым человеком того ряда субъектно выраженных в литературе и искусстве позиций, определяющих его *пространство личностной идентичности*, через освоение смыслов которого уже и происходит адаптация индивида к обществу.

Можно сказать, что формирование подростковых молодежных групп, основанных на выборе какого-то варианта молодежной субкультуры, как раз является коммуникационным дополнением в процессе формирования интерсубъективности. Если социально-культурный субъект, закодированный в культурно-символических формах (артефактах), не открывается в должной мере учащимися, то есть связь личностного и социально-надличностного уровней субъекта оказывается незначимой для индивида, тогда преобладает горизонтально-коммуникативная групповая связь, в которой выявляется лидер и фиксируются личностные ролевые позиции каждого из участников данного микросообщества. Причастность индивида к данной группе определяется не столько интерсубъективностью группы (она не превращается в статус социального субъекта), сколько признанием группой его личности.

Как коллективное «мы» группа проявляет свою субъектную функцию через символы и нормы, язык и стиль общения, ценности и символику выбранной субкультуры. Но содержание вертикальной коммуникации (воздействие лидера и текстов субкультуры) здесь оказывается недостаточным для реальной социализации личности, порождая в результате молодежный маргинализм, социальное отчуждение, гражданскую безответственность, торможение социальной зрелости и общественной активности индивидов. Только огромный – надисторический и общечеловеческий – масштаб вертикальной коммуникации,

который возникает через отношение индивидов к субъектности культурно-художественных артефактов, позволяет реализовать сложный и многомерный процесс социализации подрастающих поколений, который, конечно, не достигается через межличностное общение «здесь и теперь».

Отсюда – воспитательная и нравственная ценность произведений народной культуры и классики. В этом аспекте огромную роль для интеграции нашего общества и формирования социальной и личностной субъектности, в частности, сыграла в СССР народная песня и эстрада 60-х и 70-х гг., опирающаяся на мелос народной культуры. Заметное тяготение общества к слушанию и исполнению этих песен как концентрации культурно-символической интересубъективности показывало огромную потребность личности в освоении ценностно-культурно и мировоззренчески ориентированного пространства социальной интересубъективности. Развитие личностной субъективности было поставлено в прямую зависимость от степени освоения индивидами культуры, уровня включенности в общественную жизнь, в «дух» и ценности, принципы коллективизма.

Происходило значительное расширение пространства межличностных коммуникаций, в которых каждый индивид стремился постичь мир других людей, чтобы через это содержание рассмотреть и особенности собственной личности, которая начала не только узнаваться «другими», но и стала востребованной самим обществом. Этот опыт, как представляется, имеет значение для исследования соотношения между интересубъективностью как результатом межличностных горизонтальных коммуникаций и интересубъективностью, выступающей в функции субъекта, «кодированного» в культурно-символическую форму.

Все эти вопросы показывают, что исследование субъектной функции культурно-символической формы как особого «модуса» бытия и формирования интересубъективности – не только открывает свои перспективы в контексте социальных коммуникаций, но и оказывается актуальным и востребованным как теоретически, так и практически.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнаудов, М. Психология литературного творчества / М. Арнаудов. – М. : Прогресс, 1970. – 655 с.
2. Богин, Г. И. Филологическая герменевтика / Г. И. Богин. – Калинин : Изд-во КГУ, 1982. – 50 с.
3. Иконникова, И. К. Символическое содержание социальной коммуникации / И. К. Иконникова // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 111, вып. 3 (9). – С. 193–207.
4. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке. – М. : Гардарики, 1998. – С. 440–709.
5. Козловски, П. Культура постмодерна / П. Козловски. – М. : Республика, 1997. – 240 с.
6. Кравчук, П. Ф. Личность в теории социальных коммуникаций / П. Ф. Кравчук, В. В. Зотов // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Вып. 2 (26). – С. 73–82.
7. Лапицкий, В. В. Структура и функции субъекта познания / В. В. Лапицкий. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. – 159 с.
8. Огурцов, А. П. Интересубъективность как проблема философии науки / А. П. Огурцов // Философия науки. – 2009. – Вып. 14. – С. 235–246.
9. Поппер, К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2 / К. Поппер. – М. : Феникс, 1992. – 525 с.
10. Труфанова, Е. О. Интересубъективность в науке и философии / Е. О. Труфанова // Вопросы философии. – 2014. – № 9. – С. 182–185.
11. Философия / под ред. В. В. Миронова. – М. : Норма, 2005. – 911 с.

REFERENCES

1. Arnaudov M. *Psikhologiya literaturnogo tvorchestva* [The Psychology of Literary Creativity]. Moscow, Progress Publ., 1970. 655 p.
2. Bogin G.I. *Filologicheskaya germeneytika* [Philological Hermeneutics]. Kalinin, Izd-vo KGU, 1982. 50 p.
3. Ikonnikova I.K. Simvolicheskoe sodержanie sotsialnoy kommunikatsii [Symbolic Content of the Social Communication]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2001, vol. 111, iss. 3 (9), pp. 193-207.
4. Cassirer E. *Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoy kultury* [The Essay on Human Being. Introduction to the Philosophy of Human Culture]. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected Works. Essay on Human Being]. Moscow, Gardarika Publ., 1998, pp. 440-709.
5. Kozlovskiy P. *Kultura postmoderna* [Postmodern Culture]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 240 p.

6. Kravchuk P.F., Zotov V.V. Lichnost v teorii sotsialnykh kommunikatsiy [Personality in the Theory of Social Communications]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2005, no. 2 (26), pp. 73-82.

7. Lapitskiy V.V. *Struktura i funktsii subyekta poznaniya* [Structure and Functions of the Subject of Cognition]. Leningrad, Izd-vo VolGU, 1983. 159 p.

8. Ogurtsov A.P. Intersubektivnost kak problema filosofii nauki [Intersubjectivity as a Problem

of the Philosophy of Science]. *Filosofiya nauki*, 2009, no. 14, pp. 235-246.

9. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t. T. 2.* [Open Society and Its Enemies. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, 1992. 525 p.

10. Trufanova E.O. Intersubektivnost v nauke i filosofii [Intersubjectivity in Science and Philosophy]. *Voprosy filosofii*, 2014, no. 9, pp. 182-185.

11. Mironov V.V., ed. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Norma Publ., 2005. 911 p.

INTERSUBJECTIVITY AS A PROPERTY OF CULTURAL AND SYMBOLIC FORM

Buzskiy Marat Pavlovich

Doctor of Philosophic Sciences,
Professor, Department of Philosophy,
Volgograd State University
metamarat1@yandex.ru, socphil@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problems of forming the intersubjectivity, as well as the analysis of the modern conceptions which reveal the conditions and principles of functioning of this category, the features and peculiarities of its interactions with the subjectivity of a personality. It is demonstrated that in any cultural and symbolic form the intersubjectivity is encoded in a text, generalizing the life and communications of the people of certain historic epoch. The article reveals the role of intersubjectivity in the process of socialization of individuals and proves that on the basis of ordinary communication between individuals the subjectivity remains personal and does not move up to the next social level. The social subjectivity is included in any cultural and symbolic form and becomes real when people communicate with those symbolic forms. In this connection the authors mark the necessity to increase the significance of classical culture in modern society.

Key words: subjectivity, communications, subject, cultural and symbolic form, rationality, intersubjectivity, postmodern.